

КОЛЛЕКЦИИ...

на всю жизнь бесподобную фразу: "Не смущайтесь — в доме покойника двери всегда настезь". Но на улице ему imponировало внимание прохожих к созданному им облику одесской древности. И действительно, это была колоритнейшая личность, с бело-рыжей растущей прямо от глаз и сливающейся с усами бородой, с могучим восточным носом и посаженными на него большими очками, частично закрытыми косматыми бровями. В неизменном чесучовом пиджаке с оттопыренными, наполненными всякой коллекционной мишурой карманами, с палкой, он своей фантастической внешностью, как говорят в Одессе, таки да возбуждал любопытство.

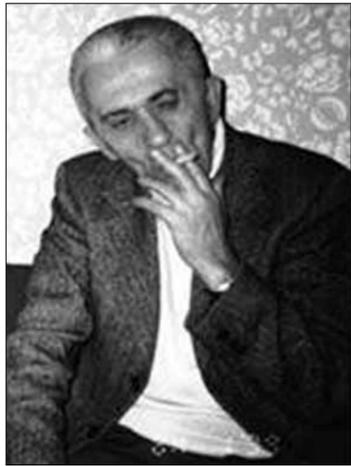
Страдая одышкой, Самуил Аронович часто останавливался, и не существовало такого дома, чтобы он не назвал его прежнего владельца, размещавшихся в этом доме магазинов и даже их ассортимент. В детстве Сема не признавал ни добротных родителей-каристов (его отец был почетным гражданином Одессы), ни гимназических наук, но зато с гордостью вспоминал, что впервые применил обыкновенные конторские счета с круглыми косточками, для того чтобы съехать на них по Ольгиевскому спуску. А открывшаяся в 1910 году в Александровском парке художественно-промышленная выставка его настолько очаровала, что он, хронически не признававший никаких платных входов, околачивался там целыми днями. И даже спустя пятьдесят лет, нисколько не напрягая память, часами рассказывал о поразивших его детское воображение сказочных павильонах, свещающемся фонтане, "визжащемся тротуаре" и иллюзионах.

Моя мать Надежда Исаевна, обаятельная и отзывчивая женщина, всю жизнь нежно и преданно любившая меня, всячески поощряла и поддерживала мое увлечение. Она гордилась мной, моей коллекцией, искренне радовалась любому приобретению. Похоронив мать и сравнительно рано мужа, сильно стесненная в средствах, она, зная, что я органически не переношу никаких принятых у коллекционеров "наваров", во многом себе отказывая и продавая кое-какие предметы из домашней утвари — случайно сохранившиеся рамы от картин, старинные наряды или малоценную бижутерию, — презентовала мне, тогда еще студенту, ту или иную сумму.

М.И. Рыбальченко. 1948 г.

Многие бывшие спортсмены — обладатели дореволюционных и довоенных жетонов, как, например, вошедший в Книгу рекордов Гиннеса Михаил Иванович Рыбальченко, в большинстве случаев дарили их. Но зачастую приходилось и потеть. Довольно долго я уговаривал вдову известного на всю Россию и эмигрировавшего еще в 1920 году футболиста Григория Богемского продать мне спортивные жетоны ее мужа. Продавать она не ре-

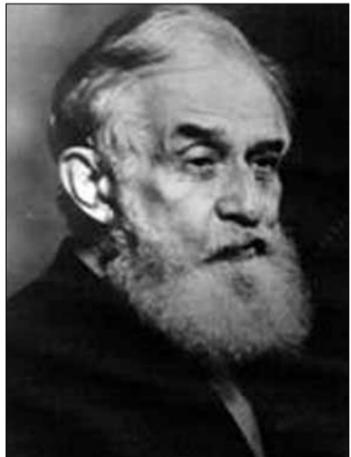

А.Ю. Розенбойм. 1999 г.

шалась, дарить не хотела. Но наконец согласилась — при условии, что я "помогу" обработать ее дачный участок где-то в Крыжановке. И мы с Беллой, моей женой, целое лето ездили туда, копали, сапали, пропалывали, поливали. Искусство требовало жертв! В другой раз меня попросили в порядке уплаты за вожденный жетон собрать на какой-то старинной даче урожай с огромного вишневого дерева. Лестницу хотя и искали, не нашли. Забыть этот подвиг я не могу по сей день — к качеству сбора урожая хозяйка отнеслась весьма и весьма придиричиво. Но обладателем жетона все же я стал. Это было начало.

И мог ли я тогда вообразить себя вне всего этого, вне постоянного поиска, вне бескорыстной помощи старшего библиографа Одесской научной библиотеки имени Горького Виктора Семеновича Фельдмана и его жены Ольги Юдовны, без Сергея Калмыкова, замученного бесконечными просьбами перефотографировать тот или иной жетон или документ для этого задуманного много лет назад каталога? Без, наконец, старого закадычного друга Александра Розенбойма, известного сейчас литературоведа, крупнейшего знатока жизни и творчества всех связанных с Одессой писателей и поэтов, многие годы по крупицам извлекавшего из архива бесценные для меня сведения из составленного моего генеалогического древа?

Собирая коллекцию, я старался атрибутировать каждый ее экспонат, каждое новое поступление. И первым, кто стал мне оказывать в этом действенную помощь, был старший научный сотрудник Одесского историко-краеведческого музея, искусствовед, видный коллекционер и исследователь монет античного Северного Причерноморья и старой Польши кандидат исторических наук Александр Семенович Коциевский.

Проф. В.В. Ашик. 1975 г.

Самые теплые воспоминания оставил о себе крупнейший в Союзе ленинградский коллекционер русских памятных медалей и жетонов, человек энциклопедических знаний доктор технических наук Виктор Владимирович Ашик.

После смерти его отца Влади-

мира Антоновича, известного русского нумизмата, автора книги "Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в 1812, 1813 и 1814 гг.", сыну досталось немалое наследие — примерно три тысячи российских жетонов и медалей. Но Виктору Владимировичу, страстному и последовательному продолжателю тематики отца, удалось вдвое увеличить численность экспонатов этой уникальнейшей коллекции.

С Ашиком мы познакомились еще в начале 60-х годов по переписке. Просто один из моих знакомых коллекционеров посоветовал "на всякий случай" написать письмо с просьбой сообщить о наличии в собрании известного нумизмата интересующего меня одесского материала. К моему искреннему удивлению, Виктор Владимирович вскоре прислал карандашные протирки и предельно подробное описание всей имевшейся у него на то время одесской подборки. С тех пор завязалась дружеская и бесценная для меня многолетняя переписка. Мало того что Виктор Владимирович давал на любые мои вопросы исчерпывающие ответы, какие я не мог найти даже в справочной литературе одесских научных библиотек, он совершенно бескорыстно присылал мне хотя и во второй раз попавшие к нему, но тем не менее, уникальные экземпляры одесских медалей и жетонов. Так я стал единственным в Одессе и, думаю, вторым в Союзе обладателем выпущенной в 1822 году в Париже памятной медали в честь "нашего" дюка де Ришелье. Уже позднее, просматривая подшивку газеты "Одесский вестник" за 1827 год, удалось обнаружить сообщение, что аналогичный экземпляр такой медали по существовавшей уже тогда традиции был заложен в фундамент памятника герцогу.

Я, в свою очередь, как мог также помогал Виктору Владимировичу в пополнении его коллекции. Много лет продолжалась наша переписка, несколько раз с большим радушием мы принимали друг друга, хотя, как мне говорили сами ленинградцы, не многим удалось побывать дома у Ашика, жилище которого во время войны в связи с эвакуацией профессора вместе с институтом, где он работал, было опечатано как квартира-музей.

За несколько лет до смерти Виктор Владимирович сообщил, что завещательным письмом он поручил своей жене Музе Михайловне после его кончины передать мне все имевшиеся у него одесские жетоны, которые за многие годы коллекционирования мне так и не удалось приобрести, но фотографии которых он все же успел прислать. Детей у Ашика не было. Единственный наследник — племянник, Герой Советского Союза, принять такое богатое наследство отказался, и Виктор Владимирович стал хлопотать о размещении в Эрмитаже всего своего уникального собрания с единственной просьбой: выделить небольшое помещение для экспозиции с табличкой "Дар Ашика". Ему постоянно отказывали, и это приводило старого коллекционера в сильное волнение.

И сейчас я уже не могу передать того испытанного мной потрясения, когда неожиданно узнал из двух подвальных публикаций в "Известиях" о внезапной кончине Ашика в сентябре 1985 года, о добровольном укрытии в больнице Музы Михайловны во избежание преследований со стороны каких-то темных личностей, о ее загадочной смерти там спустя неделю после мужа, о таинственном исчезновении завещаний коллекционера, о взломе квартиры работниками милиции совместно с сотрудниками Петергофского музея и о составленных ими описях, в десятки раз занижающих реальное количество экспонатов уникальных коллекций миниатюр, картин и стекла, но прежде всего, русских медалей, в общем-то, разграбленных в присутствии каких-то неведомых понятых. Многие экспонаты, например, серебряные памятные медали петровской и аннинской эпох, отсутствовали даже в собрании Эрмитажа.

А разве не трагична смерть почти столетнего старика, известного одесского коллекционера картин полковника в отставке И.М. Федорова, оставленного лежать на полу с кляпом во рту и задохнувшегося, после того как вошедшие в коммунальную квартиру под видом санитаров "скорой помощи" жлобы в белых халатах вынесли его коллекцию? Или не печальна участь коллекции бесследно исчезнувших монет моего первого наставника А.С. Коциевского, вынесенных грабителями через прорезанное в чердачном перекрытии отверстие в считанные часы отсутствия хозяйки квартиры?

Коллекционеров зачастую называют одержимыми. Но эти "одержимые", собирая, как правило, довольно узкую тематику, ежегодно устраивали городские выставки, где можно было увидеть то, мимо чего проходили музеи. Но если и имелось что-то в музеях, то в весьма скудном количестве, да и то в запасниках.

Ведь коллекционерами выставлялись не только античные монеты и геммы, царские ордена и полковые знаки. Здесь можно было подивиться на фарфоровые сырные доски и дореволюционные пуговицы, экслибрисы и самовары, обертки от бритв и карманные часы.

Любимому увлечению посвящали всю жизнь, отдавали все свободное время. Многие коллекционеры, не имея особого достатка, экономили на всем, даже на еде.

А как неприспособлено одевались! Да тот же ленинградский профессор В.В. Ашик, нисколько не стыдясь, сорок лет проходил в одном и том же кожаном пальто.

Коллекционеры были не только собирателями. Большие деньги тратились ими на литературу по теме их увлечения. С ними консультировались музейные работники, экспонаты коллекций помогали создавать документальные и художественные фильмы. Эти "одержимые" с радостью делились своими знаниями, пригласив в гости совершенно незнакомых людей.

Сейчас об этом можно только, тяжело воздыхая, вспоминать. Бандитизм, воровство и рэкет вынуждают серьезных коллекционеров продавать свои коллекции либо уходить в подполье, распуская слухи о ликвидации их "детей".

А как много их уехало за рубеж, вынужденно продав перед отъездом или просто бросив на произвол судьбы по крупицам собранное!

И кто знает, удается ли еще из "осколков разбитого вдребезги" составить когда-нибудь вновь единое целое?

P. S.

Полвека спустя мне кажется странным, даже невероятным, что три года в моей жизни были как-то связаны со строительным институтом. Теперь, когда я об этом вспоминаю, то мечтательно говорю: "А вот окончила бы я строительный, была бы я прорабом, например, вот бы мы как сыр в масле катались"... Прорабом я не стала, от наук строительного института сохранились, пожалуй, только воспоминания об эпюрах...

И все же другие воспоминания тешат мою душу. О мальчиках второй половины 50-х годов, умных и талантливых мальчиках из строительного института.

Сема Лившин, который много лет спустя вспоминал, как впервые от меня услышал слово "эссеист" (речь шла об Эренбурге — только-только вышли "Французские тетради!"), и смотрел на меня в тот момент, как Эллочка на Фиму Собак.

Валерий Хаит, который много лет меня дразнит надписью на томике Блока, который я ему тогда подарил, и ни за что (наверное, по своей деликатности) не хочет воспроизвести какую-нибудь сочиненную мной по младости лет сентиментальщину.

Миша Черешня, который врывался в аудиторию, где я мучилась над билетом по теореме, передавая мне шпаргалки и заклоняя своей спиной от экзаменатора.

Потом я бросила строительный и уехала в Ленинград, в университет...

И еще за одного мальчика я благодарна строительному институту. Я училась на вечернем отделении, и весь первый курс просидела за одним столом с худеньким скромным мальчиком, правда, таким же смешливым, как я. Мы во время лекций писали друг другу смешные записки, что-то рисовали, передразнивали преподавателей, словом, на скучных лекциях нам было весело.

Мальчика звали Витя Корченков. Такую фамилию я знала, не зря же я работала в Гипрограде, где часто упоминалась фамилия областного (то ли городского) архитектора.

Но даже мысль, что этот мой веселый и одновременно застенчивый дружок, студент вечернего факультета, — сын влиятельного человека, не приходила мне в голову.

Я бы хотела увидеть сейчас сына какого-нибудь начальника в роли скромного студента вечернего факультета (если такие сохранились!).

После возвращения из Ленинграда я узнала, что мои прежние приятели знакомы с моим мужем, ходят к нему в "Комсомольскую искру". Жизнь продолжалась.

Витя Корченков уже в начале шестидесятых годов стал одним из тех собирателей и хранителей одесской истории, ее прекрасного былого, одним из тех, кто самозабвенно и сосредоточенно не давал поглотить Лете память Города. Саша Розенбойм, искавший и находивший людей, свидетелей давних событий в Одессе, Сергей Калмыков, объектив фотокамеры которого сохранил "уходящую натуру" нашего города. Этих "страстотерпцев", этих воителей во славу и в память нашего прошлого, может, было и не так много, но их подвижность — не оценимо.

О своей коллекции одесских жетонов, значков, прочих раритетов Виктор Константинович Корченков написал сам — и книгу, и многочисленные статьи.

Хоть это и осталось. Что уж вздыхать о рассеявшихся коллекциях, когда их владельцы, их собиратели оказались рассеянными по свету...